



В.А.П.: Никакого кризиса нет. Это заблуждение. "Кризис идентичности" - это чисто гуманистический жест по поводу наступившей нормы. Кроме того, "кризис идентичности" - это значит должна быть идентичность. А ее просто нет.

Корр.: Но ведь когда-то искусство узнавалось сходу, научный трактат был похож на научный трактат, Петров был Петровым...

В.А.П.: Ну, Вы знаете, очень странно. Потому что, на мой взгляд, нету времени на опознание кризиса. Человек, который говорит о кризисе идентичности - это человек, который находится в системе представлений идентичности. Но ведь идентичность всегда находится в кризисе. И если вы находитесь во времени, где невозможно высказывание об идентичности, то есть в той же системе виртуально-постмодернистской реальности, ставить такой вопрос просто смешно. Человек же себя обнаруживает в высказывании, свое место. Он не может не быть таким откровенным, потому что хочет выразить мысль, а мысль, когда она хорошо выражена, всегда обнаруживает место человека. Но, я думаю, что не надо бояться обнаружения собственного места. Это есть повод для дальнейшего развития. Высказывание о "кризисе идентичности", конечно, замечательное, но относится к дискурсу, который не сообщает ничего, кроме этого кризиса. Оно (высказывание) не объясняет то, что его вызвало. Потому что то, что, как кажется, его вызвало, есть совокупная замкнутая на себя реальность, в которой таких кризисов уже больше не существует. Там, где черт, там чертovo, там, где ангел, там ангелово.

Корр.: Как Вы относитесь к нашим отечественным постмодернистам? Вообще существуют ли они для вас как факт?

В.А.П.: Ну, конечно, они для меня в общем-то существуют. Вообще проблема существования очень интересная. Потому что иногда думаешь, что ты как бы не существуешь. И это значит, что тебе как бы повезло. Например, я думаю, что новые русские - это те, кто существует. А вот многие из нас... Мне кажется, что все те, кто получают зарплату, существуют. А все те, кто не получают зарплату или кому ее задерживают, не существуют. Я думаю, что это простая демаркация, которую следует ввести в наш социальный мир, чтобы знать хотя бы, кто существует, а кто нет. Забастовки - это ведь требование существования.

Корр.: Но я все же спрашивал о тех, кто у нас числится постмодернистами, многие из которых Ваши коллеги.

В.А.П.: Тут я бы сказал так, оставляя для себя право использовать эту метафору существования-несуществования. Многие концептуалисты и авангардисты сегодня настолько иногда хорошо включаются в систему массовых коммуникаций, что в принципе создается иллюзия, что они существуют. Чего о себе не могу сказать. Я в большей степени не существую. В отличие от многих моих коллег, чьи жесты, язык вполне естественно усваиваются этой виртуальной реальностью, являются для нее как бы адекватными. Несмотря на все свое авангардство, все-таки, мне кажется, их близость системе массовых коммуникаций, системе порождения искусственных образов очень заметна. Это выдает в них большую тягу к существованию. Эти бесконечные тусовки, жратва, питье, презентации... Возможно, это печальный конец. В том смысле, в каком человек перестает различать собственное несуществование. Беда позднего концептуализма и позднего авангарда в том, что их охватила большая любовь к массам и системе массовых коммуникаций. У них обесценилась ценность несуществования, нейтральности, неучастия, непривлеченности, неангажированности и т. д. Я думаю, что массификация, допустим, Пригова или Рубинштейна, такое как бы омассовление этих образов делает их менее опасными, но зато более существующими.

Корр.: Хорошо, давайте, как говорится в передаче "Час пик", сменим тему. На своих лекциях Вы сказали, что существование поколений - это беда для нации. Почему?

В.А.П.: Тут нужно различать. Вот, например, для социологии требуется, чтобы были поколения. Для этнографии категория поколения тоже нужна, чтобы делать свои расчеты. Это наука. Но есть еще представления, связанные с идеологически социальными образами поколения. Например, наше поколение шестидесятников - последнее поколение, которое можно называть поколением в этом, последнем, смысле. Потому что, чем меньше поколений, тем лучше. Проблема конфликта отцов и детей себя изживает. Изживает какая-то принципиальная идеологическая задача, которая формировала эти поколения. Говорилось ведь: вот эти сталинисты, а эти шестидесятники, гуманизированные марксисты. Определение поколения было связано с идеологическим и политическим раздромом, существующим внутри общества, между властью и теми, кто эту власть скрыто или явно осуждает. А все остальные поколенческие характеристики - чисто психиатрические, медицинские, школьные. Они не имеют никакого значения, кроме своего локального участка. Исчезает же поколение как глобально-политическая проблема. Простое

объяснение.

Корр.: На лекциях Вы также заметили, что Россия не знает смеховой культуры, что она целиком замешана на страдании и серьезности. Поясните это.

В.А.П.: Юродство и наша система анекдотов все-таки меньше всего относятся к смеховой культуре. Конечно, нельзя у человека отнять смех, радость, но в культуре российской для этого места особого не было. На мой взгляд, юродство, которое всегда относят к смеховой культуре, как раз очень хорошо демонстрирует, что смех бывает от боли, а не только от радости.

Корр.: А Пушкин?

В.А.П.: Ну, может быть, это был смех наших, николаевских

патрициев, которые смеялись от довольства жизнью, от какой-то эстетики жизни? Все-таки смех Пушкина - это смех рабовладельца, честно говоря. Во всяком случае имения имелись в сто душ, двести, триста...

Корр.: Но само по себе это еще не предпосылка для смеха?

В.А.П.: Нет, конечно. Но все-таки смеховая культура - это явление более массовое. Можно ли сказать, что патрицианско-дворянский смех, который иногда овладевал Пушкиным, принадлежал не только его жизнерадостному организму, но больше связан с рабовладением, с крепостничеством? Нет?

Корр.: Отсутствие смеховой культуры в нашей традиции - это недостаток?

В.А.П.: Вероятно. Я не знаю, насколько можно говорить о западной смеховой культуре. Может быть, смех - это то, что вообще нам мало достается в жизни. Смех безотносительный, детский. Что касается нас, то, конечно, его очень сильно не достает обществу, переходящему от рабовладения к зрелому либерализму.

Корр.: "Зрелому либерализму"?

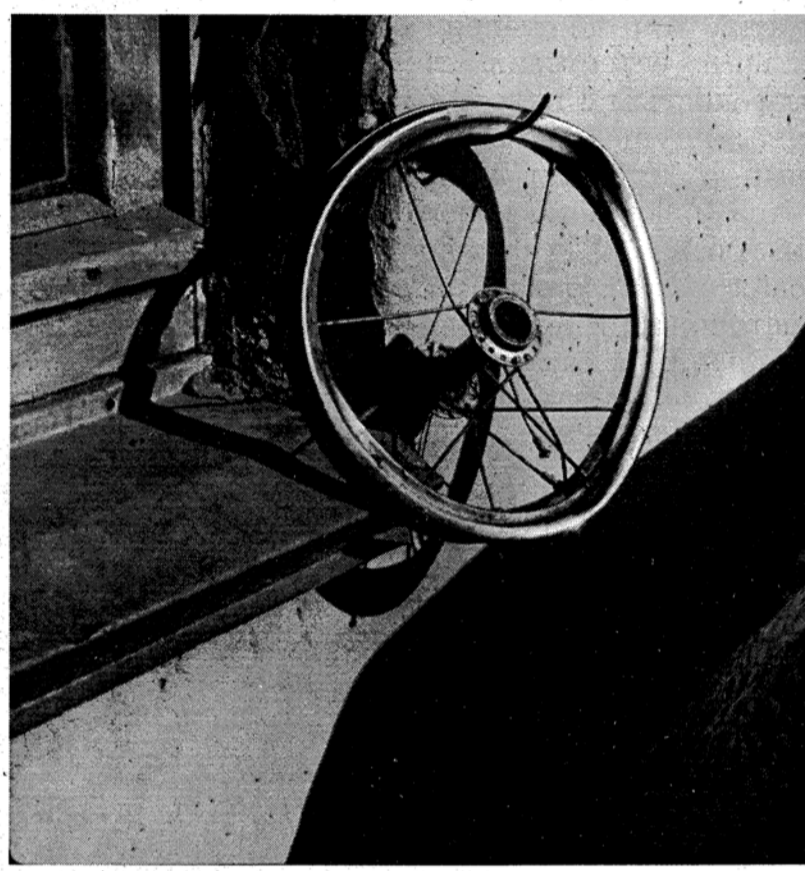
В.А.П.: Вообще формаций нужно выдумывать как можно больше. Выдумывать слова, сюжеты. Вдруг история повернет и решится пойти этим путем.

Корр.: Мы заговорили о Европе и России. С Вашей точки зрения, Россия - это Европа? Вообще, актуально ли сейчас разделение на Запад и Восток?

В.А.П.: Россия - это Европа. Я считаю, должна быть Европа и все остальное, ей не являющееся.

Корр.: Странно слышать в устах постмодерниста такой европоцентризм. Или это не европоцентризм?

В.А.П.: Наверно, это европоцентризм. Но я вовсе не постмодернист, я человек, гораздо более свободный, чем любой из постмодернистов, и создаю для себя иллюзию, что могу избежать этой заразы. Европа должна все больше становиться Европой. Причем, ее география очень сложна. Какие-то острова Европы можно найти в Египте, в Африке. С географией надо кончать. География проявляется тогда, когда, как например в Татарстане, вместо университетов строятся одни мечети. Кстати, это совершенный постмодернизм: мечети строятся не для чего, задолго до веры. Полная виртуализация. Интересно, верно?... Европа - это университет, многознание, многомыслие. И университеты следует развивать, даже заранее, в отличие от храмов, опережающих веру. Потому что университет - это судьба, а храм - это частный выбор. Нравится вам эта концепция?..



Михаил Ладейчиков. Из серии "Фрагменты", 1988.